
РАЗЫСКАНИЯ

М. Б. Юдина¹

Тверской государственной технической университет (Тверь, Россия)

ПАМЯТЬ ИХ В РОД И РОД: К ИСТОРИИ СМОЛЕНСКОГО ДВОРЯНСТВА

В публикации на основе устных семейных преданий и архивных документов восстановлена история нескольких поколений рода Кусаковых – Куз(ь)миных в контексте жизни смоленского уездного дворянства второй половины XIX – начала XX века. Описаны быт и нравы представителей разных сословий. Судьбы героев очерка показаны в переломные моменты отечественной истории. Схема родственных связей призвана облегчить восприятие приведенной информации.

Ключевые слова: смоленское дворянство, Кусаковы, Куз(ь)мины, семейное предание, архивные источники, Первая русская революция, красный террор, раскулачивание, репрессии 1930-х годов

M. B. Yudina

Tver State Technical University (Tver, Russia)

MEMORY THEM FOREVER: ON THE HISTORY OF THE SMOLENSK NOBILITY

The publication, based on oral traditions and archival documents, restores the history of several generations of the Kusakov – Kuzmin family in the context of the life of the Smolensk county nobility of the second half of the XIX – early XX century. The life and customs of representatives of different classes are described. The fates of the heroes of the essay are shown at crucial moments in Russian history. The scheme of family ties is designed to facilitate the perception of the information provided.

Keywords: Smolensk nobility, Kusakovs, Kuzmins, family legend, archival sources, The First Russian Revolution, Red Terror, dispossession, political repression of the 1930s

---

¹ Мария Борисовна Юдина – кандидат филологических наук, редактор РИЦ Тверского государственного технического университета (Тверь, Россия). E-mail: mariaudina627@gmail.com.

Прошлое, хранящееся в памяти, есть часть настоящего.

Тадеуш Котарбиньский

История старинного дворянского рода Кусаковых, моих предков по материнской линии, уходит в глубь веков. Один из первых известных носителей фамилии, боярин Назарий Данилович Кусаков, сложил голову в 1378 году в битве на р. Воже. Его имя попало на страницы летописей, а также было записано в синодик Успенского собора Московского Кремля. Здесь читалась «Димитрию Манастыреву, и Назару, и дружине ихъ, избивеннымъ от безбожныхъ Татаръ на Воже, вечная память» [Кузьмин, 2007, с. 86]. Род Кусаковых внесен в VI часть родословных книг Новгородской, Смоленской и Курской губерний, а герб рода – в Часть 6 Общего гербовника дворянских родов Всероссийской империи.

Эти сведения почерпнуты из исторических источников. «Живая» же семейная хроника создавалась представительницами самого старшего, дореволюционного поколения наших современников: тремя сестрами – ровесницами минувшего века – Верой Алексеевной Александровой (р. 1901), Надеждой Алексеевной Шамшиной (р. 1903) и Ниной Алексеевной Ефимовой (р. 1905), а также их кузиной и моей бабушкой Анной Николаевной Юдиной (р. 1914), урожденными Кузьмиными. Вера, Надежда и Нина Алексеевны, двоюродные тетушки моей матери, дожили до преклонных лет, и мама, часто и подолгу гостившая у них в Подольске, в беседах и повседневном общении с этими «старинными людьми» (как она их называла) поняла, что через них ей довелось прикоснуться к культуре, безвозвратно ушедшей в прошлое.

Общими дедом и бабушкой Веры, Надежды, Нины и Анны по мужской линии были Павел Николаевич Кузьмин и его жена Мария Алексеевна, в девичестве Кусакова (конец 1840-х – 1921). Историей ее рождения и начинается семейное предание.

В начале 1840-х годов молодой инженер-путеец Алексей Петрович Кусаков (1820? – после 1876) был направлен на строительство предположительно Николаевской железной дороги. Его отец, поручик П. Кусаков, курский помещик и сосед Клейнмихелей по уезду (он мог знать министра транспорта графа П. А. Клейнмихеля и по совместной военной службе), входил в число активных первостроителей этой магистрали и являлся начальником одной из дистанций по Южной дирекции [Ласточкин, <https://kartaslov.ru/>].

Через некоторое время Алексей взял на содержание полюбившуюся ему девушку из прислуги, и одна за другой появились на свет три их дочери: Елизавета

(названная так в честь бабушки, Елизаветы Ивановны Кусаковой), Мария и Анастасия. После ранней смерти матери они остались на полном попечении Алексея Петровича. Последний отвез девочек в свое родовое имение, а затем узаконил их в соответствии с установленной процедурой, то есть через подачу прошения на имя государя императора, и его дочерей благополучно миновали те невзгоды, что выпадали на долю незаконнорожденных детей. Все три девицы воспитывались в Смольном. Старшая, Елизавета Алексеевна (сер. 1840-х – 1923), встретила своего будущего мужа, Ефима Королёва, на царском балу. Они сразу же заметили друг друга, но, как признались позже, поначалу оба приняли вспыхнувшее чувство за антипатию.

Елизавета Королёва жила попеременно в Петербурге и Варшаве, где ее муж занимал ряд должностей, в том числе мирового судьи. Она была счастлива в браке, но, к сожалению, эта ветвь заглохла: единственный сын Королёвых, избравший профессию врача, умер, заразившись дифтеритом, а вскоре та же болезнь унесла и единственного внука, шестилетнего Ефима. Потерявшая сразу и мужа и сына невестка Елизаветы Алексеевны, тезка последней (чтобы различать их в разговоре, рассказчицы называли ее девичьей фамилией – Лиза Горчакова), ушла сестрой милосердия на русско-японскую войну и пропала без вести. Самой же Елизавете Алексеевне пережить несчастье, помимо твердого упования на Господа, помогло творчество: уже после сорока лет у нее открылся голос, и она пошла на сцену, где исполняла, в частности, арию Вани в опере «Жизнь за царя». В ней проявилась наследственная музыкальная одаренность: дядя Елизаветы Алексеевны (младший брат ее отца), Григорий Петрович Кусаков (1822–1883), как «превосходный певец» и «отличный музыкант» в 1859 году был частым и желанным гостем в лондонском доме Герцена, что нашло отражение в воспоминаниях В. А. Панаева и Н. А. Тучковой-Огаревой [см.: Н. П. Огарев, 1989, с. 288, 355, 358–359, 501].

Реализовать талант в полной мере мешали сословные предрассудки. Даже преодолев, казалось бы, их, Елизавета все же не пожелала сообщить свой сценический псевдоним никому из родных, среди которых доживала свой век (последние пять лет ее жизни прошли в доме сестры, Марии Алексеевны Кузминой), хотя порой делилась воспоминаниями с внучатыми племянницами – барышнями Верой, Надей и Ниной. Как показала жизнь, она не могла посетовать на безучастность своих юных слушательниц. Прах Елизаветы Алексеевны Королёвой покоится на кладбище села Надва Катынской волости Смоленского уезда (ныне дер. Надва Руднянского района Смоленской области).

Жениха для средней дочери, Марии, моей будущей прапрабабушки, Алексей Петрович нашел в лице своего подчиненного. Павел Николаевич Кузмин (фамилия в ее исконном написании не содержит мягкого знака, искажение вкралось после 1929 года) был высок, статен, хорош собой, немногословен, отличался спокойствием и твердостью характера, а также практическим складом ума. Он происходил из столбовых дворян; по преданию, у истоков рода Кузминых стоял «муж честен из Прусс» Миша Прушанин, прибывший в начале XIII века с многочисленной свитой в Новгород на службу к Александру Невскому. Ну а ближайшие предки Павла Кузмина – его отец и дед – были морскими офицерами. К тому же Алексей Петрович, отец трех дочерей, связывал с будущим зятем и небезосновательную надежду на появление внуков мужского пола: Кузины во всех поколениях отличались численным перевесом продолжателей фамилии. Однако всех их превзошел отец жениха, Николай Петрович. Как гласит семейное предание, он имел свой корабль, причем в навигацию его неизменно сопровождала супруга, Надежда Николаевна, вследствие чего они произвели на свет целых восемнадцать сыновей.

Павел Николаевич был представлен Марии Алексеевне как жених, она дала свое согласие и в скором времени вошла в собственный дом. Отныне ей предстояло жить в сельце Филиппова Слобода Смоленского уезда Смоленской губернии, расположенном вблизи станции «Лелеквинская» только что открытой на тот момент Риго-Орловской железной дороги, к которой Алексей Петрович как инженер-мостостроитель имел самое непосредственное отношение. «Теперь ты, Машенька, будешь деревенская», – с улыбкой напутствовал ее отец.

Сам же Кусаков между службой и устройством семейных дел уделял время высоким материям, а именно созданию абсолютно истинной философской системы на основе высших аксиом. В 1858 году вышла его брошюра «Об истинности понятий или достоверности человеческих знаний», критический отзыв на которую, составленный Добролюбовым, был опубликован тогда же в 5-м номере «Современника» [см.: Добролюбов, 1945, с. 188–191], а в 1876 увидело свет объемное сочинение «Основы рациональной физики, или Объяснение физических явлений посредством одной свойственной материи силы расширяемости».

Павел Николаевич Кузмин, которого будущий тесть в полном соответствии с собственными убеждениями подверг «многократному наблюдению ... и рассматриванию ... с разных сторон» [цит. по: Добролюбов, 1945, с. 189], не обманул ожиданий: в 1870 году родился их с Марией Алексеевной первенец, названный в честь Алексея Петровича, а уже в июне 1871-го – Николай (мой прадед), получивший имя по деду со стороны отца. Напоследок, года через два,

появилась и дочь Наденька. Глава семейства постепенно дослужился до начальника одного из железнодорожных вокзалов Смоленска.

Заканчивавшие гимназию юноши были настроены на военную службу, но Алексея забраковали: при весьма высоком росте он был узкоплеч. Тогда и Николай решил отказаться от военной карьеры. Гражданская служба братьев Кузминых не привлекала. Оставалось одно: жениться и стать помещиками.

Этому поприщу предшествовала пора беззаботной молодости. Надо сказать, что забавы «недорослей» были относительно невинного свойства. Неистощимый на выдумки, человек веселый и живой, Николай режиссировал сцены, участниками которых были переодетый в женское платье брат Алексей, изображавший капризную барыню, и сам он – в роли кучера и слуги. Карета колесила по всей округе, и в окрестных лавочках разыгрывались целые спектакли. «Барыня» долго и придирчиво выбирала, а верный «слуга» требовал выкладывать лучший товар. Приобретенная галантерея предназначалась сестре, с нетерпением ожидавшей их возвращения. Костюмы и реквизит заимствовались у Надежды Павловны, что вынуждало маменьку обновлять ее гардероб (иначе это случалось бы реже: Мария Алексеевна не любила сорить деньгами). Маменька сердилась, конечно, но больше для вида. Позже, описывая эти сцены внукам, она особенно часто вспоминала внушительного размера мужской сапог, выглядывавший из-под кокетливо приподнятой юбки. «Да и чем им было заняться, двум бездельникам, – говорила, смеясь, старшая дочь Алексея Павловича, Вера Алексеевна, моей маме, – до тридцати лет ведь даже не женились!»

Их тридцатилетие – возраст зрелости – пришлось на рубеж веков. Старший, Алексей Павлович, в 1900 году сочетался семейными узами с Марией Ивановной Успенской, дочерью священника. Избранницей же младшего брата и моей будущей прабабушкой стала простая крестьянка, Наталья Григорьевна Трущенкова (1886–1868). А началось все с того, что Николай Павлович, любивший дни ярмарок и сельских праздников, с удовольствием приходил посмотреть на развлечения деревенской молодежи. Он был отзывчив и прост в обращении, поэтому все любили его, и никого не удивляло, что всякий раз, как гармонист останавливался, пан²

---

² С падением Смоленска в 1404 году Рудня оказалась в глубоком тылу польско-литовского государства. После 1514 года, когда Смоленск был освобожден, она надолго заняла пограничное положение. По Андрусовскому перемирию 1667 года Смоленск навсегда отошел к России, а Рудня попала под власть Польши. В связи с этим в речи местного населения долгое время сохранялось большое количество полонизмов, в том числе «пан» в значении «барин».

платил ему копеечку за продолжение. Между тем больше всего интересовала Николая Павловича одна из девушек, которая особенно любила – и умела – плясать. Он знал о ее тяжелой судьбе: шести лет оставшаяся круглой сиротой, Наталья, старшая из троих детей, рано повзрослела. Несколько лет ребятишки прожили в отцовской хате одни. Соседи по очереди присматривали за ними, приносили пищу, растапливали печку, но большую часть времени сироты были предоставлены самим себе. Наталья строго следила за сестрой и братом и тем самым уберегла их от возможных несчастий. По рассказам, однажды не сразу спохватились, что уже вечереет, а сирот нигде нет. Рядом был лес, река, и предполагали худшее, пока кто-то не догадался сбегать на кладбище – там и нашли их, уснувших на могиле матери. Родне и соседям еще не раз приходилось возвращать Наталью, Химку и Алешу с погоста, куда гнала одиноких полузаброшенных детей тоска по материнской ласке. Не случайно так запала Наталье Григорьевне в душу васнецовская «Аленушка», репродукция которой сопровождала ее до самой старости. Подросшие ребятишки жили у своих дядек, помогая им по хозяйству. Наталья понимала, что у нее, скорее всего, не будет своего дома, своей семьи и всю жизнь ей придется батрачить за кусок хлеба, и приняла свою участь. Лишь в танце прорывалось наружу законное и естественное стремление юности к счастью, почему и была 16-летняя плясунья так выразительна. И Николай Павлович понимал это умом сердца.

Предположительно осенью 1902 года перед домом дядьки Василия, где жила Наталья, на глазах местных жителей, недоумевающих, что бы это значило, остановилась карета. Войдя в хату, Николай Павлович застал хозяев за обедом. Наталья опрометью бросилась в комнату, а гость объявил изумленному Василию, что приехал сватать его старшую племянницу. «Наталья, выходи! Жених приехал!» – тщетно взывал дядька. Наталья, которая ни на секунду не могла допустить, что это правда, забилась под кровать и только повторяла сквозь слезы: «Не смейтесь же надо мной!» Ее обожгла мысль, что молодой пан, наскучив прежними своими шутками и развлечениями, решил вместо брата Алексея Павловича прокатить по округе ее как свою «невесту». Наверное, как никогда прежде ощутила она в эти минуты горечь своего сиротства. Николай Павлович наблюдал за происходящим, улавливая не только комизм, но и внутренний драматизм разыгравшейся сцены. Тогда дядька, перейдя к решительным действиям, вытащил племянницу на свет божий за ногу. Такой – зареванной, растрепанной, несчастной – и предстала она перед женихом, натягивая подол на босые ноги.

Трудно представить себе переполох, поднявшийся в крестьянской хате (да и во всей округе!) после его ухода. Но не меньшей сенсацией стало известие о предстоящей женитьбе Николая в родительском доме. Овдовевшая к тому времени Мария Алексеевна потребовала, чтобы сын отказался от этой немислимой затеи и, не добившись своего, похоронив надежды на удачную партию для Николеньки, в гневе прокляла его. Впоследствии, когда родились их старшие дети, названные в честь бабушки и деда Марией и Павлом, она сменила гнев на милость и, обучая Наталью домашним премудростям, не могла нарадоваться прилежанию и понятливости своей невестки.

Первые годы семейной жизни Николая Павловича были сопряжены со многими трудностями. Сначала ему с молодой женой пришлось поселиться в крестьянском жилище. У помещика Храповицкого удалось приобрести по выгодной цене земельный участок, непригодный к сельскохозяйственному использованию. Николай Павлович сдал его в аренду лавочникам и незамедлительно приступил к строительству дома со всеми необходимыми хозяйственными пристройками. Как часто вспоминала этот дом его дочь, а моя бабушка Анна Николаевна! С каким волнением, отъезжая на электричке от Лелеквинской по направлению к Смоленску, она ожидала приближения к тому месту, где он стоял («Смотри, уже скоро!»), чтобы показать мне, 13-летней, часть высокого краснокирпичного фундамента – всё, что от него осталось...

Начало Первой русской революции в частной жизни Кузминых ознаменовалось появлением у Марии Алексеевны сразу двух внуков – младшей дочери Алексея и первенца в семье Николая. Крестьянские волнения не обошли стороной западную Смоленщину. Возросшую вследствие этого бдительность властей семья Алексея Павловича ощутила на себе: замеченный в разговоре с мужиками, он получил полицейское предписание отбыть с женой и детьми на месяц в деревню для проживания в условиях, максимально приближенных к спартанским; с собой дозволялось взять только корову.

Наталья Григорьевна, жена Николая Павловича, показала себя отличной хозяйкой и, несмотря на частые роды, управлялась в доме практически без посторонней помощи. Свекровь, изменившая со временем отношение к младшей невестке, с удовольствием передавала ей свои умения. Но даже вполне освоившись со своим новым положением, Наталья относилась к супругу с таким почтением, что не обращалась к нему иначе как «пан», несмотря на все его уговоры.

В анналы семейной истории вошли и курьезные эпизоды. Так, однажды Наталья Григорьевна заявила мужу: желаю карету, как у Марии Ивановны (жены деверя). Вскоре экипаж, собственноручно сооруженный Николаем Павловичем и с ним самим на козлах, загромыхал по сельским улицам, вызывая мужиков и соседей-панов на состязание в остроумии. Приведу одну из сценок, переданных Верой Алексеевной Александровой.

Погожий летний день. Мужик, приставив руку козырьком и всматриваясь в ясное, безоблачное небо, произносит с недоумением:

– Никак гром греме?

– Та не, – отвечает ему другой. – То не гром – то наш пан свою паниху везет!

Была ли рассказчица свидетельницей или же автором этого диалога, сказать сложно – как и другие дочери Алексея Павловича, она всерьез увлекалась театром, ставила домашние спектакли. Они любили сочинять и представлять сцены из народного быта, что немало пригодились им впоследствии в реальной жизни, когда пришлось скрывать свое происхождение. Гимназистками Вера, Надежда и Нина участвовали в любительских театральных постановках. «Нас, трех сестер, знал весь Смоленск», – с гордостью говорила Вера Алексеевна моей матери.

Свою детвору – мал мала меньше – Николай Павлович любил прокатить запросто – на телеге. И здесь тоже не обходилось без юмора, особенно если навстречу попадался какой-нибудь местный шутник. «А бо, Николай Палыч! И это все ваши?!» – изумленно восклицал всякий раз один из них. «Вот эти, беленькие, – мои, а та, черная, не моя», – отвечал ему пан, природный брюнет. И оба непедагогично веселились, глядя на накупившихся ребятишек.

В воскресные и праздничные дни Алексей и Николай Павловичи с семьями шли после литургии в гости к бабушке, где взрослые мужчины и женщины играли в детскую игру «жмурки» (видимо, опознание пойманного на ощупь все же заключало в себе некоторую пикантность!), а затем разъезжались по домам.

Еще несколько штрихов к воспоминаниям о совместном досуге добавила в 1960-е годы уже совсем пожилая Мария Ивановна, вдова Алексея Кузмина. В дни семейных праздников и именин, когда в их доме собиралось все общество, душой его неизменно становился Николай Павлович. В мужской компании он зачитывал свои стихи, не предназначенные для дамского слуха, –

до собравшихся в гостиной женщин доносились лишь взрывы смеха, а возвращаясь к дамам, не давал скучать и им. По признанию Марии Ивановны, она за всю свою долгую жизнь не встречала никого интереснее Николая Павловича. Неунывающий, остроумный, веселый человек с тоской в глазах – таким остался он в ее памяти.

Рудня, в окрестностях которой располагалось их имение, в то время представляла собой еврейское местечко, поэтому все арендаторы Николая Павловича были евреями. Экономическое регулирование осуществлялось в том числе и таким образом: если торговец чересчур лихо, по мнению крестьянской общины, накручивал цены, с вечера Николай Павлович прикреплял у входа в лавку шуточные вирши, в которых призывал «Лейбу-плута» умерить пыл, а затем являлся собственной персоной для совместного поиска компромисса.

Стабильный доход приносила мельница. С арендовавшим ее Гиршем Евелевым Николая Павловича и Наталью Григорьевну связывали не только деловые и добрососедские, но и по-настоящему дружеские отношения: все дети Кузминых – трое мальчиков и четыре девочки – нашли приятелей-ровесников в его большом семействе. «Йоська, Хаймёська, Борис, Ида и старшие – Добка и Давид» – моя бабушка Анна Николаевна и в старости называла их этими привычными именами. Их дальнейшая, взрослая судьба была ей неизвестна, так как пришлось надолго покинуть родные места. Она надеялась лишь, что хотя бы кто-то из этой семьи успел до немецкой оккупации уехать из Рудни, снискавшей печальную известность смоленского Бабьего Яра.

К Дуне Евелевой, жене мельника, по праздникам приходила ее сестра Ханка, и, сидя на террасе, они пели: «Скажи мне, ветка Палестины...» Это стихотворение Лермонтова моя будущая бабушка узнала именно так, в переложении на музыку, а затем и сама нередко пела про «ветвь Ерусалима», аккомпанируя себе на гитаре.

Бегали они и в казарму к ребятишкам местного рабочего-железнодорожника Василия Бекашонка – Феде, Тане, Мише и Даше. Летчик-истребитель Михаил Васильевич Бекашонков в 1945 году был удостоен звания Героя Советского Союза. Павел, Михаил и Аркадий, сыновья Николая Павловича, водили дружбу с детьми железнодорожников-поляков, Виктором Жоховским и братьями Романовскими – Людвиком, Бронькой и Стасеком.

«Настоящий двадцатый век» наступил для семьи Николая Павловича в самом начале 1919 года, в разгул красного террора. Большевикам нужно было во что бы то ни стало удержать власть над захваченными уездами, и каждый

день велись перестрелки. Все находившиеся в доме, в том числе квартиранты – супружеская пара, пережидали стрельбу, лежа на полу. В ночь с 20-го на 21 февраля Николаю Павловичу приснилось, что его преследует волчья стая. Пытаясь спастись, он бросился к железнодорожной станции и уже взбежал было на крыльцо – но тут волки настигли и растерзали его. Под гнетущим впечатлением от этого сна он не мог больше сомкнуть глаз; кто-то из домашних видел его глубокой ночью на коленях перед образами. Едва рассвело, он пришел к пожилому садовнику Митрофану. «Очень, очень плохо, пан, – к вашей смерти этот сон, – покачал тот головой. – Будьте же осторожны!» Тем временем вступал в свои права день – последний в жизни Николая Павловича. Началась очередная перестрелка, все уже привычно залегли – и вдруг квартирантка подскочила и с истерическим визгом закружилась вокруг себя. Прежде чем успели опомниться, шальная пуля, разбив стекло, прошила ей щеку. Полотенце, которое приложили к ее лицу, окрасилось кровью. Выставленное в окно, оно сигнализировало стрелявшим о том, что кто-то из жильцов ранен. Оно же стало знаком беды, пришедшей в их дом. Квартирантку уложили на телегу, и хозяин спешно повез ее к станции Лелеквинской, где размещалась медсанчасть. Когда Николай Павлович передавал женщину медикам, перебинтованный красноармеец крикнул, указывая на него: «Вот этот в меня стрелял!» Его тут же схватили. Железнодорожники, прекрасно знавшие Кузмина, были готовы поручиться за него и умоляли разобраться, но их заступничество не помогло – столкнув с крыльца, его убили выстрелом в затылок. Забирать тело запретили под страхом расстрела и оставили лежать на февральском снегу в одном исподнем: его одежда, как и лошадь с телегой, пригодилась новой власти. Впрочем, на полушубке недоставало одной пуговицы: в смятении Николай Павлович вырвал ее и намертво зажал в кулаке. Его так и похоронили с этой пуговицей спустя неделю, когда Наталья родня увезла тело.

Человека, который на самом деле ранил красноармейца, вскоре нашли – им оказался эсер, высокий, как Кузмин, и носивший похожий полушубок, – и тоже расстреляли.

Когда трагическая весть достигла родительского дома, вся семья – Мария Алексеевна, Алексей Павлович, его жена, дочери и сестра Надежда Павловна – сидела за обеденным столом. Обед в их доме по-прежнему подавался строго по часам, да и весь жизненный уклад еще не был нарушен непоправимо. Вера и Нина, в ту пору барышни 17 и 16 лет, вспоминали, как внизу послышался шум, переполох, затем распахнулась дверь и ворвался крик: «Николеньку убили!» Все подскочили, и лишь Мария Алексеевна медленно поднялась. Повернулась

к образам: «Убили сына!.. Да упокоит Господь его душу!» Помолчала и, обращаясь к домашним: «Ну что же вы? Обед есть обед. Прошу всех за стол». «Их так воспитывали», – пояснила Вера Алексеевна моей маме.

Огромным несчастьем стала смерть Николая Павловича для его жены и детей. Младшей, Нине, было всего полтора года. Старшему из сыновей, Павлу, не исполнилось и двенадцати, когда он стал опорой семьи, главным и самоотверженным ее тружеником. Другие дети, подрастая, тоже подключались к хозяйству, во всем помогали матери. Но она, сама так и оставшаяся безграмотной, настояла, чтобы все они выучились. Сыновья закончили железнодорожное училище, дочери получили медицинское образование.

Вспоминая это время, бабушка рассказывала, как в двадцатые годы, уже несколько лет как безотцовщина, они возглавляли ватагу, совершавшую дерзкие набеги на поля их дяди Алексея Павловича. «Мы – семеро, еврейские дети – шестеро и поляки – четверо» – таков был численный состав этой интернациональной армии. Полакомиться от души, впрочем, удавалось не всегда: законный владелец, – а он вел хозяйство с исключительной добросовестностью, по всем правилам, выписывая в прежние времена лучшую сельскохозяйственную технику, – выходил на крыльцо и вскидывал ружье, заряженное горохом.

Так прошло десять лет. Наступил 1929-й – год, когда началось раскулачивание. Незадолго перед тем Наталье Григорьевне приснился покойный муж, который твердо и строго, как никогда не говорил с ней при жизни, сказал: «Наталья! Всех сыновей я у тебя заберу, а дочерей тебе всех оставлю». Она заголосила по-деревенски – и проснулась. Этот сон тоже оказался вещим.

Весной Наталью, ее сыновей и младшую дочь Нину погрузили в чем были на телегу, разрешив взять с собой лишь по буханке хлеба, и сослали на Урал, в район станции Ляля. Ссылки удалось избежать двум старшим дочерям, Марии и Анастасии, к тому времени уже замужним, и 14-летней Анне – она училась в Великих Луках. Окончив первый курс фельдшерско-акушерской школы, Аня ехала домой на каникулы и, изголодавшаяся, мечтала, как мама наварит чугунок картошки. И хлебать бы ей баланду вместо этой картошки, не вмешайся Провидение в лице окликнувшей Аню на перроне их соседки Ципы, которая и сообщила девочке, что ее родных сослали и ищут ее саму. Она велела Ане спрятаться под платформой, а затем, когда стемнело, провела ее огородами к себе. Через несколько дней, подкормив Аню, Ципа благословила ее в обратный путь. «Придем на станцию заранее, и залезешь под платформу. Первый сигнал – сидишь. Перед третьим заходишь в последний вагон. А там

сразу сядь и пригнись, будто шнурки завязываешь», – эта инструкция запомнилась моей бабушке навсегда. И через всю жизнь она пронесла благодарную память об этой женщине, увидеться с которой ей больше не довелось: посетив через много лет родное пепелище, она узнает, что Ципа разделила трагическую судьбу руднянских евреев.

12-летней Нине в Смоленске удалось бежать и прибиться к старшей сестре, Марии Николаевне, в семье которой она и прожила несколько лет. В 1937, когда ее, 20-летнюю студентку мединститута, арестовали прямо на лекции, наряду с 58-й статьей ей вменили в вину и этот побег.

Бежали, уже с Урала, и братья. В 1931 году Павел Николаевич вернулся в родные места, и кто-то сдал его властям. Милиционеры при аресте просто забили его ногами; затем это было оформлено как приговор тройки ОГПУ к ВМН. Подобный исход был предсказуем, и 23-летний Павел понимал это, но он стремился спасти доходившую в ссылке мать. План был продуман до мелочей. Главная роль в нем отводилась Натальиной сестре Химке – обладательнице паспорта (безземельная крестьянка-батрачка, то есть абсолютная беднота, но при этом свояченица пана, она избежала членства в колхозе). И Химка – Евфимия Григорьевна Трущенкова, едва ли выезжавшая за пределы родной Надвы, без колебаний отправилась в дальний и опасный путь. Дерзкое предприятие увенчалось успехом, и с Урала сестры вернулись вдвоем, только Павла уже не было в живых.

Целых шесть лет Наталью Григорьевну не трогали, и она жила в Надве у своих родственников. В 1937-м ее арестовали, осудили по 58-й статье и снова этапировали на Урал, на сей раз в Княжпогост.

Михаил, бежав из ссылки, менял места проживания, но в сентябре 1937-го был арестован и приговорен к ВМН. Незадолго перед этим их с Аркадием пути случайно пересеклись в Вологде.

После гибели обоих старших братьев Аркадий Николаевич написал стихотворение, из которого до нас дошла только одна строфа: *О наше бедное семейство!.. // Пал Миша, жертвенник тюрьмы, // Пал Павел, жертвенник лакейства. // Теперь на очереди мы.*

Его очередь, как следует из полученной нами архивной справки, пришла в 1942-м в Барнауле. Но мать и сестры, не имея достоверных данных о его дальнейшей судьбе, до конца, вопреки сну и яви, надеялись, что Аркадий, такой смелый, умный и находчивый, все же сумел избежать гибели.

В 1937-м арестовали и осудили на десять лет ИТЛ и 27-летнюю Анастасию Николаевну Кашубо, урожденную Кузмину (1910–1989). Помимо происхождения от отца-дворянина, ей поставили в вину то обстоятельство, что оба ее мужа – расстрелянный ранее Виктор Чаковтский и арестованный одновременно с ней Виктор Кашубо – были поляками, а первый еще и сыном белогвардейского офицера. Анастасия отбыла 10-летний срок от звонка до звонка и выжила только благодаря своей медицинской специальности.

А моя бабушка, Анна Николаевна, так и не повидавшись с родными, вернулась в Великие Луки, где впоследствии вышла замуж за офицера Павла Петровича Юдина. До конца жизни вспоминала она своих преподавателей, особенно Григория Моисеевича Мельника и Виктора Ивановича Лейкина, которые не только были профессионалами высочайшего класса, но и всемерно поддерживали студентов в то голодное и страшное время. Среди однокурсников обрела она и своих лучших подруг – Нину Самсыгину и Нюру (Анну) Белякову, уроженок Осташкова. Как и все дети Натальи Григорьевны, Аня Кузмина училась по поддельной справке о крестьянском происхождении, изготовленной братом Аркадием при помощи сырой картофелины. При этом на каждом комсомольском собрании среди учащихся непременно выявляли кого-нибудь из дворянских, поповских или кулацких детей, и их участь была печальна. На ватных ногах входила Аня в зал, где проводились эти собрания, и обе подруги, все о ней знавшие, садились справа и слева от нее, незаметно для других сжимая ее ладони. Анна Николаевна пережила их обеих; но в самом начале 1992-го в ее сне они снова взялись за руки и, юные, беззаботные, пошли втроем по цветущему, благоухающему лугу – туда, «идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь бесконечная». Значит, я умру в середине лета, когда всё цветет, скажет мне бабушка, – и в этом будет не тревожное предчувствие конца, но волнующее ожидание Встречи. Она ушла от нас 14 июля того же года.

Первые несколько лет по возвращении в 1947 году из лагеря Наталья Григорьевна Кузмина провела у дочери Анны в Тверской (тогда Калининской) области, куда ее забросила война. Потерявшая мужа, всех сыновей, жилье, здоровье, она никогда не жаловалась, не плакала и не проклинала. Лишь уходила в свои думы, воскрешая в памяти образы тех, кого давно уже не было на свете. И только одно никак не могла удержать в голове:

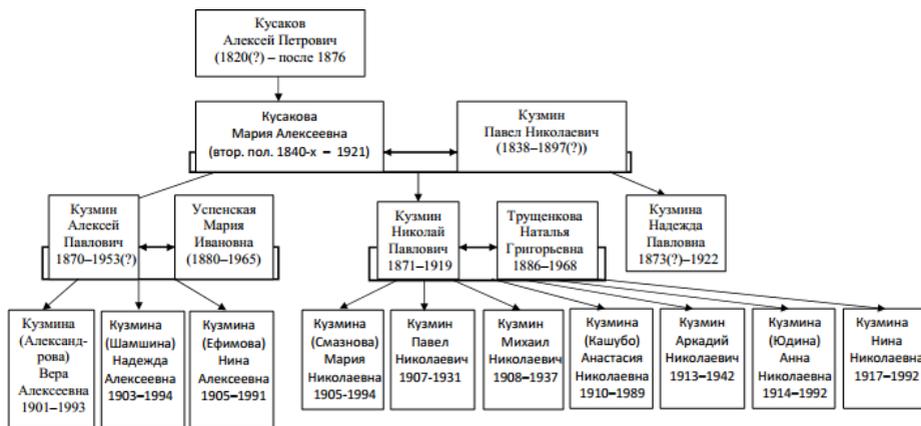
– Ань, скажи-ка ты мне, за что я сидела, – всё забываю я это слово...

– За контр-р-революцию, мама!

Позже Наталья Григорьевна вернулась на милую ее сердцу Смоленщину, где поселилась в маленькой ветхой хатке вместе с сестрой Евфимией и дочерью Анастасией, освободившейся из лагеря в том же году. Она почти на полвека пережила своего мужа и согласно ее воле была похоронена в одной с ним могиле.

Алексей Павлович и его домочадцы пострадали от новой власти в значительно меньшей степени. Мария Алексеевна, случайно уколов палец, в декабре 1921 года умерла от заражения крови. Через год та же история повторилась с ее дочерью, Надеждой Павловной. В 1923 году не стало и Елизаветы, старшей сестры Марии Алексеевны. А живым нужно было думать о своем спасении. Сначала они по очереди перебрались в Брянскую область и спустя несколько лет осели в подмосковном Подольске. Алексей Павлович Кузмин прожил довольно долго: в 1950 моя мама, тогда 12-летняя девочка, еще застала его в живых. Ослепший, тяжело больной, показавшийся ей громадным даже сидя в кресле, он знакомился с внучкой Николая Павловича на ощупь, пытаясь угадать в ее лице черты своего брата. Мария Ивановна, его жена, скончалась в 1965 году. Три их дочери завершили свой земной путь в начале 1990-х. Все они покоятся в одной ограде на подольском городском кладбище.

У Нины Алексеевны детей не было; ее муж, офицер Владимир Ефимов, погиб в Соловецком лагере. Достаточно многочисленные потомки представленной здесь смоленской ветви Кусаковых и Кузминых живут в Москве, Подмосковье, Екатеринбурге, Смоленске и Твери. Внучка Надежды Алексеевны Шамшиной, Татьяна Владимировна Маслова, любезно предоставила мне копии фотографий, сохранившихся в их семейном архиве.

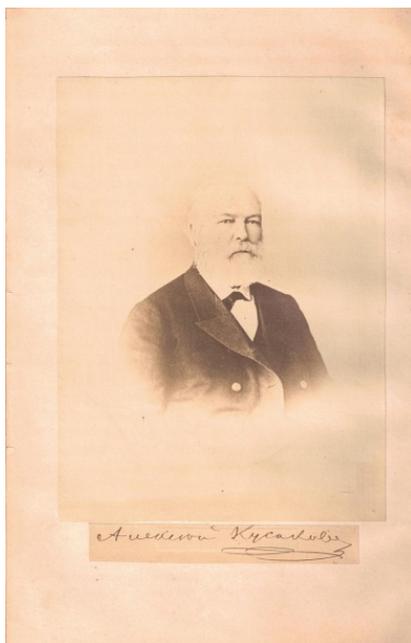

Фото 1. Алексей Петрович Кусаков

Фото 2. Павел Николаевич Кузьмин

Фото 3. Мария Алексеевна Кузмина (урожд. Кусакова)

Верхний ряд: Кузмина (Александрова) Вера Алексеевна 28.09,1901- рядом её мать
Кузмина(Успенская) Мария Ивановна 11,05,1880-1965 мать
Кузмина (Шаминна) Надежда Алексеевна 16,07,1903-15,08,1994
Средний ряд: в центре Кузмин Алексей Павлович
Кузмина (Ефимова) Нина Алексеевна 20,01,1905-

Фото 4. Алексей Павлович Кузмин, его жена Мария Ивановна (урожд. Успенская) и их дочери (с бантами, слева направо): Вера, Надя и Нина

Фото 5. Николай Павлович Кузмин, его жена Наталья Григорьевна (урожд. Трущенкова) и их старшие дети – Мария и Павел

Фото 6. Надежда Павловна Кузмина

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Добролюбов, Н. А.** Об истинности понятий или достоверности человеческих знаний. Сочинение А. Кусакова / Н. А. Добролюбов // Избранные философские сочинения: в 2 т.; под ред. и с предисл. М. Т. Иовчука. Т. 1. Москва: ОГИЗ, 1945. – С. 188–191.
2. **Кузьмин, А. В.** Князья Пронские, бояре Монастыревы и дворяне Кусаковы – участники битвы на реке Воже в 1378 г. и их потомки в XV–XVI вв. / А. В. Кузьмин // Верхнее Подонье. Природа. Археология. История: сборник: в 2 т. Т. 2, вып. 2. – Тула: Государственный музей-заповедник «Куликово поле», 2007. – С. 78–96.
3. **Кусаков, Алексей Петрович.** Об истинности понятий или достоверности человеческих знаний // А. П. Кусаков. – Санкт-Петербург: тип. Э. Праца, 1858. – 30 с.
4. **Кусаков, Алексей Петрович.** Основы рациональной физики, или Объяснение физических явлений посредством одной свойственной материи силы расширимости // А. П. Кусаков. – Санкт-Петербург: изд. Г. Кусаков, 1876. – 125 с.
5. **Ласточкин, Н. А.** Усадьбы Бологовского края. В отрогах Валдая / Н. А. Ласточкин // КАРТАСЛОВ.РУ: [сайт]. – URL: <https://kartaslov.ru/> (06.11.2024).
6. **Н. П. Огарев в воспоминаниях современников;** редколлегия. – Москва: Изд-во «Художественная литература», 1989. – С. 288, 355, 358–359, 501.

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Архивная справка о владении М. А. Кузминой селом Варварино // Государственный архив Смоленской области (ГАСО). Ф. 5. Оп. 1. Д. 15. Л. 19.
2. Архивная справка о рождении детей у Николая Павловича и Натальи Григорьевны Кузминых // ГАСО. Ф. 48. Оп. 4. Д. 856. Церковь № 40. 1905 г. Д. 864. 1907 г. Д. 887. 1910 г. Д. 881. 1911 г. Д. 885. 1912 г. Д. 889. 1913 г.
3. Архивная справка о рождении дочери Нины у Алексея Павловича и Марии Ивановны Кузминых // ГАСО. Ф. 48. Оп. 4. Д. 856. Церковь № 40. 1905 г. Архивная справка о рождении Николая Павловича Кузмина // ГАСО. Ф. 48. Д. 2824. Церковь № 53. 1871 г.
4. Архивная справка об аресте, приговоре и реабилитации на Кузьмина Аркадия Николаевича // Архив УФСБ России по Смоленской области. Арх. уг. ф. Дело № 29204-с.
5. Архивная справка об аресте, приговоре и реабилитации на Кузьмина Павла Николаевича // Архив УФСБ России по Смоленской области. Арх. уг. ф. Дело № 24631-с.

6. Архивная справка об аресте, приговоре и реабилитации на Кузьмину (Кашубо) Анастасию Николаевну // Архив УФСБ России по Смоленской области. Арх. уг. ф. Дело № 9325-с.

7. Архивная справка об аресте, приговоре и реабилитации на Кузьмину Наталью Григорьевну // Архив УФСБ России по Смоленской области. Арх. уг. ф. Дело № 9325-с.

8. Архивная справка об аресте, приговоре и реабилитации на Кузьмину Нину Николаевну // Архив УФСБ России по Смоленской области. Арх. уг. ф. Дело № 9325-с.